

Г. Н. Канинская

ПРАВЫЕ РАДИКАЛЫ: СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ – ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ

Радикал имеет слева очень сложных друзей... Справа он имеет лишь соблазнительных врагов. Судьба радикала – быть отброшенным друзьями и притянутым врагами.

Alain. Hommes et doctrines.
14 mars 1924.

В 30-е годы XX в. французский историк, литератор и политический критик А. Тибодэ, обратившись к изучению политических идей, ввел в оборот для определения одной из политических тенденций XIX в. неологизм, который на русский язык можно перевести как «ущербное состояние» (*le sinistrisme*). В таком состоянии, по мнению А. Тибодэ, находились тогда те политические силы Франции, которые усиленно стремились обозначить свою принадлежность к левым, оставаясь по сути правыми¹. На наш взгляд, по своей емкости и актуальности это понятие не утратило своего значения и в современной Франции, с той лишь разницей, что в XX в. изменились не только партии-носители «ущербного состояния», но и смысловое значение его проявления. Например, с конца 60-х – начала 70-х годов и по сей день партия правых радикалов или, как они себя сами называют, радикалов-валуазьенцев² постоянно пытается сжиться со своей принадлежностью к правым, оставаясь по сути левой.

Галина Николаевна Канинская – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

¹ *Tibaudet A. Les idées politiques de la France. P., 1932. P. 23.*

² Их штаб-квартира находится в том историческом месте, где в июне 1901 г. возникла республиканская партия радикалов и радикал-социалистов – площадь Валуа, 1. Когда в 1973 г. в партии произошел раскол, и левые радикалы покинули площадь Валуа, те, кто остался по прежнему адресу, до 1979 г. сохраняли название “партия радикал-социалистов”, которое для большей ясности в политическом лексиконе получило дополнение “валуазьенцы”. В 1979 г. эта партия приняла название “партия радикалов”, сохраняемое донныне. Однако и дополнение “валуазьенцы” не исчезло. Более того, оно приобрело особый смысл после того, как покинувшие площадь Валуа стали именоваться “Партией левых радикалов”. Таким образом, пояснение “валуазьенцы” уточняет ныне не только почтовый адрес, но в известном смысле и политическую ориентацию, подчеркивая идеологическое отличие партии радикалов от своих бывших собратьев. В

История французского радикализма в целом получила достаточно подробное освещение как во французской, так и в отечественной литературе. Упомянем, прежде всего, написанный профессором Института политических наук (Париж) С. Берстейном фундаментальный труд по истории радикалов с момента зарождения их идей и до Второй мировой войны³. Упомяну также собственные работы⁴ и ряд недавно появившихся исследований о политической культуре Франции⁵.

Приступая к настоящей статье, я испытывала некоторое затруднение. Дело в том, что в специальной литературе за французской партией радикалов прочно закрепилось определение левоцентристской, что, на мой взгляд, вполне соответствует действительности. В нашей личной беседе в ноябре 2002 г. С. Берстейн также заметил, что принадлежность радикалов-валуазьенцев к правым можно считать весьма условной. Тем не менее, факт остается фактом: радикалы-валуазьенцы, которые ранее состояли в правоцентристском объединении Союз за французскую демократию (СФД), созданном в 1978 г. тогдашним президентом Франции В. Жискард'Эстеном, 17 ноября 2002 г. вошли на правах ассоциированной партии в инициированное голлистами новое объединение правых сил – Союз за народное движение (СНД). В политическом плане СНД поддерживает нынешнего президента страны Ж. Ширака, председателем его избран ближайший соратник президента А. Жюппе. А поскольку в СНД вошла лишь часть членов СФД, получилось, что радикалы-валуазьенцы, сменили своих правоцентристских союзников на откровенно правых.

Безусловно, учитывая незначительный вес и левых, и правых радикалов в современной политической жизни Франции, особенно после президентских и парламентских выборов весны 2002 г., когда их стали называть «партиями, уже скончавшимися в национальном масштабе и едва теплящимися на локальном уровне, в двух традиционных радикальных бастионах: на Юго-Западе страны и на Корсике», вхождение радикалов-валуазьенцев в СНД можно считать лишь частным эпизодом бурных поли-

известной мере слово “валуазьенцы” служит нейтральной заменой термина “правые”, которого французские политики стараются, по возможности, избегать в качестве самоопределения.

³ *Berstein S. Histoire du parti radical. P., 1980-1982. Vol. 1-2.*

⁴ *Канинская Г.Н. Радикалы и радикализм в послевоенной Франции». М., 1999 (Отметим, что в монографии приводится подробная библиография темы); Она же. Истоки французского радикализма // НиНИ. 2001. № 6.*

⁵ *Рубинский Ю.И. Конфликт и компромисс в политической культуре Франции // Полития. 2001. № 3 (21); La démocratie libérale / Sous dir. S. Berstein. P., 1998; Les cultures politiques françaises / Sous dir. S. Berstein. P., 1999.*

тических событий во Франции конца XX – начала XXI в. Однако, будучи даже частным событием, подобная метаморфоза партии радикалов ставит ряд важных вопросов общего характера о современных французских правых. Например, по каким критериям можно определять сегодня правых? Имеют ли вообще понятия «левые» и «правые» смысл в наши дни? Наконец, каковы перспективы центризма во Франции?

Не претендуя на окончательное решение проблемы и полагая, что для этого следует обратиться к истории более крупных и влиятельных политических партий конца XX в., попытаемся все же ответить на некоторые из поставленных вопросов на примере партии радикалов-валуазенцев.

Несмотря на то, что республиканская партия радикалов и радикал-социалистов выступала с момента своего становления как «крупная левая партия», которая «воплощала собой республиканскую культуру начала XX в.»⁶, не вызывает сомнения то, что с самого начала она «была насыщена людьми правых взглядов и правыми лидерами и, невзирая на многочисленные исключения, эти люди все время оставались в партии»⁷. Подчеркивая идейную неоднородность французского радикализма, российская исследовательница С.Н. Гурвич метко сравнила партию радикалов с «Двуликим Янусом»⁸. Отметим также, что отсутствие монолитности в радикальной семье в течение более чем вековой ее истории изначально было заложено как идеологией радикализма, зародившейся еще в середине XIX в., так и структурой партии, оформившейся уже на заре XX в. В книге «Республика профессоров» (1927) А. Тибодет приводит в качестве анекдота взятый из реальной жизни случай, который как нельзя лучше характеризует сущность радикализма. Когда в 1925 г. французский философ Алэн опубликовал свое произведение «Элементы радикальной доктрины», а служба прессы Елисейского дворца, чтобы доставить удовольствие министрам-радикалам, занимавшим тогда ведущие посты в правительстве, распространила среди них эту книгу, эффект получился прямо противоположный ожидаемому. «Эти господа, – пишет А. Тибодет, – с улыбкой вернули подозрительный "голубой документ", а один из них на своем экземпляре сделал пометку, отразившую их общую реакцию: "Если бы радикальная доктрина существовала, не мы ли первыми должны были бы об этом знать?"»⁹.

⁶ *Berstein S., Milza P. Histoire de la France au XX siècle. Bruxelles, P., 1995. P. 30.*

⁷ *Le Monde. 1957. 24 janvier.*

⁸ *Гурвич С. Н. Радикал-социалисты и рабочее движение во Франции в начале XX в. М., 1976. С. 6.*

⁹ *Tibaudet A. La République des professeurs. P., 1927. P. 78.*

История партии радикалов связана с двумя основными противоречиями – ее принципы, чувства и избиратели ориентируют партию влево, тогда как традиции парламентской жизни и требования текущей политики – вправо. В годы Третьей и Четвертой Республик, когда партия радикалов и радикал-социалистов представляла собой внушительную политическую силу, она неоднократно получала поддержку левого электората, но, победив на выборах, вскоре начинала проводить политику в интересах правых сил. Сами теоретики радикализма объясняли это тем, что «по историческим корням... инстинктивно и по зову сердца радикалы являются левыми, а вправо склоняются под влиянием обстоятельств»¹⁰. Подобное раздвоение привело к появлению в стране расхожего выражения, что «у радикала сердце бьется слева, а кошелек находится справа».

Какие идейные ценности и особенности политической структуры Франции позволяли радикалам делать крен то влево, то вправо, избегая при этом раскола в партии вплоть до 1973 г.? В поисках ответа на этот вопрос, надо, прежде всего, обратиться к истории создания партии и вспомнить, что, воплощая республиканскую культуру начала XX в., она защищала ценности среднего класса. Политические принципы радикалов сделали их партией консенсуса, где могли найти себя все французы, ратовавшие за взвешенное и прогрессистское управление парламентской республикой. Партия провозглашала себя преемницей Революции, поборником либеральной демократии в парламентской форме. Она искала поддержки у «маленьких людей», обещая им демократию мелких собственников, где повышение социального благосостояния будет обеспечено тем, кто наиболее его достоин. Это была партия рядовых патриотов, озабоченных одновременно идеей защиты мира и отечества. Для того, чтобы разграничить себя с умеренными либералами и социалистами, радикалы с конца XIX в. подняли на щит доктрину солидаризма, разработанную одним из идейных отцов радикализма Л. Буржуа¹¹. Солидаризм – это попытка достичь общественного консенсуса, основанного на синтезе индивидуалистического либерализма и коллективистского социализма. Сам Л. Буржуа никогда не возражал против того, чтобы солидаризм называли либеральным социализмом¹². На деле солидаризм расходился с либерализмом лишь в сфере морали и не отрицал основы его экономической теории.

¹⁰ *Soulié M.* De Ledru-Rollin à JJSS: Le parti radical entre son passé et son avenir. P., 1971. P.55.

¹¹ *Bourgeois L.* Solidarité. P., 1897.

¹² *Bloch R.* Histoire du parti radical-socialiste: Des radicaux-socialistes d'hier aux démocrates-socialistes de demain. P., 1968. P. 19.

Защищая частную собственность, солидаризм предполагал отказ от признания господства государства над человеком. Государству отводилась роль выразителя интересов индивидов. Оно могло вмешиваться в регулирование социальных отношений лишь для того, чтобы помочь человеку выполнить обязательства перед своими потомками, соратниками, предками.

Со временем некоторые ценности радикализма утратили актуальность по мере их реализации, став достоянием нации, а на их место пришли новые. Например, сегодня вряд ли у кого во Франции вызывают возражения предложенные и горячо отстаиваемые некогда радикалами светский характер республики, всеобщее бесплатное светское образование, прямой пропорциональный налог на доход, отмена обязательной воинской повинности, необходимость децентрализации страны. После бурных дебатов вокруг проблемы европейской интеграции в начале 50-х годов все радикалы стали активными европейцами и защитниками идеи создания единых вооруженных сил в Европе. Наконец, референдум 2002 г., продемонстрировавший готовность французов сократить президентский срок с 7 до 5 лет, по сути реализовал в жизнь предложение радикалов, высказанное в начале 70-х.

Ценности радикализма, основанные «на вере в разум, мораль в политике, отрицании классовой борьбы и признании народа верховным источником всякой власти, провозглашении солидаризма граждан и важности проведения социальных законов путем вмешательства общественных сил в экономику, защите прав человека и идее светскости государства»¹³, постоянно ориентировали партию радикалов в сторону политического центра. А то, что Третья и Четвертая Республики во Франции были «республиками центра»¹⁴, позволяло радикалам даже с постепенной утратой электората и своего прежнего влияния оставаться главным связующим звеном при формировании правительств. Установление де Голлем в 1958 г. Пятой Республики коренным образом изменило политическую систему Франции. Новая конституция создала в стране президентский режим с сильной исполнительной властью, обладающей широкими полномочиями. С точки зрения политической культуры, де Голль, по мнению С. Берстайна, совершил «коперниканскую революцию» в институциональных традициях, господствовавших во Франции со времен Революции XVIII в. Исследовав историю голлизма, С. Берстайн пришел к выводу о том, что «сам де Голль был чужд республиканской политической культуре»: он «не был враждебен

¹³ Soulié M. Op. cit. P. 14-23.

¹⁴ Berstein S., Milza P. Op. cit. P. 678.

Республике в принципе, потому что французы приняли этот политический режим в начале XX в.», но, будучи католиком, не разделял «приверженности к светскому характеру государства». Еще большие опасения де Голль имел относительно признания приоритета индивида и его прав и свобод по отношению к государству. «Его личная политическая культура, – пишет С. Берстайн, – была противоположна такому видению. В центре его концепции мы видим вечную Францию, с которой он вел мистический диалог, и которая для того, чтобы осуществить свою идею величия, должна иметь сильное Государство, управляться неоспоримым лидером, стоящим во главе армии и администрации, обладающим авторитетом, подобным авторитету военачальника. Если он воспринял идею о том, что суверенитет зависит от нации, то считал, что этот суверенитет должен делегироваться нацией непосредственно главе Государства, а не распределяться среди многих сотен представителей, уже одно число которых делает его бессильным»¹⁵. Поэтому дополнение президентского режима, установленного во Франции в 1958 г., введением в 1962 г. системы прямых выборов президента всеобщим голосованием стало логичным продолжением начатого де Голлем курса.

По сути, «коперникианская революция» институциональной системы, совершенная де Голлем, «не отменила Республику, но существенно преобразовала ее в духе монархизма, она не положила конец демократии, но глубоко трансформировала механизм ее функционирования, выдвинув на первое место элементы прямой демократии, она не подавила свободу, но подчинила ее усилившемуся авторитету Государства»¹⁶. Однако тем самым «революция» де Голля отвергла главные ценности радикализма, нанеся тяжелый удар партии радикалов. Кроме того, серьезный ущерб радикалы претерпели от возникновения биполярности политической жизни, ставшей результатом введения прямых выборов президента. Вернее, ущерб претерпел политический центризм в целом, становой осью которого долгое время оставались радикалы.

Один из лидеров радикалов Ф. Люшер вспоминает, что Ги Молле, возглавлявший в 1962 г. социалистов, сказал ему: «Новый тип выборов президента разделит на две части если не всю Францию, то, по крайней мере, избирательный корпус, а линия раздела как раз пройдет через партию радикалов и разобьет ее надвое»¹⁷. Такой раздел свершился спустя 10 лет, а до этого времени политики с площади Валуа упорно не хотели признавать

¹⁵ *Berstein S. Histoire du gaullisme. P., 2001. P. 514.*

¹⁶ *Ibid. P. 516.*

¹⁷ Из интервью, взятого автором настоящей статьи в апреле 1991 г.

политическое поражение центра и пытались возглавить различного рода центристские формирования. Причем, сразу же радикалы единодушно осудили «диктаторский» стиль правления де Голля, особенно положение Конституции Пятой Республики о референдумах. Не импонировала им и вновь образованная голлистская партия ЮНР, которую радикалы считали «правой авторитарной». На страницах центрального печатного органа партии – «Бюллетеня радикал-социалистической информации» (BIRS) – они упрекали де Голля за то, что тот «подчинил себе все средства массовой информации и поддерживает демократические свободы тогда, когда они его не раздражают, а Республику тогда, когда она ассоциируется с ним самим»¹⁸.

Однако, в отличие от других сохранившихся со времен Четвертой Республики политических партий – коммунистической, социалистической, МРП, части «умеренных», которые оказались в оппозиции де Голлю по конкретным вопросам проводимой им политики, – оппозиция радикалов вытекала в основном из неприятия самого стиля его правления. В теоретическом журнале радикалов *Le Démocrate* их председатель Ф. Гайяр подчеркивал: «Наша оппозиция де Голлю не из-за его общей политической линии, а из-за верности парламентскому режиму»¹⁹. Такая позиция, с одной стороны, делала партию крайне уязвимой, а с другой – подавала ей некоторые надежды. Уязвимость проистекала от того, что президентский режим, принятый большинством французов, стал нормой политической жизни, и те, кто оспаривал его, оставался за бортом большой политики. Надежды же радикалов были связаны с их стремлением возглавить крупное центристское объединение антиголлистских сил – от социалистов до «умеренных». Целью такого объединения должно было стать изменение не столько политического курса де Голля, сколько стиля управления страной.

Однако надежды эти оказались иллюзорными по ряду причин. Во-первых, у центристов появился опасный конкурент – журнал *L'Express*, который, «исходя из новой институциональной логики, сделавшей президентские выборы главным событием в жизни страны»²⁰, в конце 1963 г. выступил с идеей «создания портрета-робота идеального кандидата от оппозиции на президентских выборах 1965 г.»²¹, назвав его «Мистер Х...». Вскоре на страницах журнала было названо имя «Мистера Х...» – социалист Г. Деффер, мэр Марселя, депутат от департамента Буш-дю-Рон. Во-

¹⁸ BIRS. 1962. N 22.

¹⁹ *Le Démocrate*. 1961. N 1.

²⁰ *Berstein S., Milza P.* Op. cit. P. 901.

²¹ *L'Express*. 1963. N 462.

вторых, социалисты приняли правила биполярной политической игры и перестали связывать себя центристскими установками, а начали искать сближения с коммунистами, чтобы создать левый антиголлистский полюс. В результате, в 1969 г. возникла обновленная социалистическая партия во главе с Ф. Миттераном – ФСП. До этого, в 1965 г., Ф. Миттеран выступал против де Голля на президентских выборах как единый кандидат от демократических левых сил, и, хотя проиграл ему, сам по себе его выход во второй тур означал успех левых сил. В-третьих, к середине 60-х годов во Франции возникли новые группировки, имевшие гораздо больше шансов на успех в деле объединения правоцентристских сил, чем старая партия радикалов. Это были Демократический центр во главе с Ж. Леканюэ и Национальная федерация независимых республиканцев (НФНР) во главе с В. Жискара д'Эстеном. Преимуществом НФНР перед остальными было то, что она входила в состав правительственного большинства де Голля, а ее лидер В. Жискара д'Эстен некоторое время даже занимал пост министра экономики и финансов. «Принадлежность НФНР к “большинству” позволяла провести передачу власти без перерыва преемственности политической линии в основных ее аспектах и в то же время создавала иллюзию изменений, усыпляла общественное мнение, “уставшее” от слишком долгого пребывания голлистов у власти»²².

Таким образом, Пятая Республика положила начало политическому угасанию радикализма, коему сопутствовало также угасание в электоральном плане. Эволюция социальной структуры французского общества в середине 60-х годов и «вымывание» традиционных средних слоев, составлявших главную опору партии радикалов, существенно сократили ряды ее сторонников. Социологические опросы приносили тревожные для партии результаты. Социально-профессиональный состав членов ее федераций (первичных организаций) выглядел следующим образом: 16,9% в них составляли сельские предприниматели (при общем их количестве среди активной части населения Франции 20,8%), 16% - сельскохозяйственные рабочие (по стране – 10%), 14% - промышленники и торговцы (такой же процент по стране), 3% – лица свободных профессий (2,9% – в стране)²³.

Соответственно, в партии почти не были представлены «новые средние слои», чей удельный вес в социальной структуре общества быстро возрастал. В январе 1966 г. радикалы имели всего 26 депутатов в парламенте (6,5% от общего числа мест), 40 сенаторов (14,2%), свыше 800 генераль-

²² Чернега В. Н. Буржуазные партии в политической системе Франции. М., 1987. С. 140.

²³ Архив партии радикалов (далее – АПР). Dossier 60. II. Parti radical.

ных советников, немалое число мэров²⁴. На партийном съезде 1966 г. генеральный секретарь партии П. Брус сетовал на не слишком радужное положение в федерациях, отмечая, что на местах очень трудно распространять членские карточки и что появились «пустынные для радикализма регионы», а также такие, где установилась «феодализация» партийной жизни, то есть избранные должностные лица полностью игнорировали деятельность местных ячеек. Он справедливо обращал внимание делегатов на то, что по сравнению с другими партиями, «старение радикалов более очевидно», что «социопрофессиональная структура руководства партии не соответствует структуре ее электората», что «надо адаптироваться и стать выразителями интересов всех средних слоев, главным образом городских, заменивших теперь ту мелкую буржуазию, которая когда-то господствовала» в радикальных кантонах, округах и префектурах²⁵.

По поводу самих съездов радикалов в стране в то время распространилась шутка о том, что они проходят в телефонной кабине. Новые средние слои отнюдь не стремились стать радикалами. Известный французский политолог М. Дюверже наилучшим образом объяснил тогда это обстоятельство на страницах газеты *Le Monde*. Он писал: «Для молодых радикализм не представляет чего-либо особенного, для старого поколения он олицетворяется с постоянным балансированием между правыми и левыми, что приводило к непопулярности и бессилию предыдущие режимы. Мало кто вспоминает сегодня, что они были значительной силой, создали Республику, демонстрируя огромную энергию и последовательность в начале века, сделавшие им имя... Большинство людей считают сейчас, что партия слишком слаба, чтобы оказывать политическое влияние... Партия радикалов, отличающаяся своим мягким и колеблющимся характером, в настоящее время неактуальна. Мягкость не актуальна, потому что надо бороться за действенное правительство и иметь стабильное и единое большинство, а этого с мягкостью не сделать. Недисциплинированность при голосовании тоже не играет положительной роли, ибо надо иметь авторитарный дух, чтобы побеждать»²⁶.

В этой же аналитической статье М. Дюверже сделал заслуживающий внимания прогноз на возможную дальнейшую перспективу стратегии радикалов. Подчеркнув умеренный характер ее республиканских принципов, равно как и тот факт, что «теперь избиратели радикалов не очень боятся, что союз с коммунистами приведет к революции, и считают, что союз всех

²⁴ Там же. Dossier 99. VI. FGDS.

²⁵ АПП. Dossier 99. VI. FGDS.

²⁶ *Le Monde*. 1967. 16 décembre.

левых более выгоден при условии, если руководить в нем будут умеренные», и что «главное правило политической игры в биполярной демократии – это то, чтобы каждым из противоположных блоков управляли умеренные, сгруппировав вокруг себя всех крайних», М. Дюверже предположил, что «в этом плане радикалы, может быть, имеют будущее»²⁷. Как нам представляется, М. Дюверже явно намекал на то, что партия радикалов в полном составе должна была бы попытаться счастья в левоцентристском объединении. Однако лидеры радикализма не вняли советам опытного политолога. На площади Валуа вновь начались идейные раздоры, причем большинство руководства считало, что «сближение с коммунистами нанесет ущерб радикалам»²⁸ и предпочло повернуть партию в сторону правого центра, точнее – к союзу с Демократическим центром, создав вместе с ним Движение реформаторов.

Знаковым событием этого поворота явилось принятие в 1970 г. новой программы партии, названной «Манифест радикалов». Программа разрабатывалась под руководством нового генерального секретаря партии – Ж.-Ж. Серван-Шрейбера, и под его же именем в соавторстве с М. Альбером вышла отдельной книгой «Небо и земля». Основные идеи манифеста были довольно противоречивы. Авторы преподносили его как «альтернативу революционному преобразованию общества, характерной чертой которой должно стать сочетание экономического роста с реформами». Составители манифеста предлагали «отделить экономическую власть от политической, ликвидировать нерентабельные отрасли экономики и предоставить полную свободу экономической деятельности и конкуренции». Особое место уделялось «политике регионализма», в рамках которой предлагалось «деконцентрировать полномочия государственной администрации, прекратить выделение средств из государственного бюджета местным выборным органам власти и заимствовать средства на рынке капиталов по примеру предпринимателей и капиталистических компаний». Ж.-Ж. Серван-Шрейбер и М. Альбер выступили в манифесте поборниками идеи «Соединенных Штатов Европы» и установления социального равенства в обществе²⁹. Таким образом, основными элементами новой программы радикалов стали: экономический либерализм, децентрализация управления и территориального устройства, европеизм и социальное равновесие в обществе.

²⁷ Там же.

²⁸ АПР. Dossier 38. II. Parti radical.

²⁹ *Schreiber J.-J., Albert M. Ciel et terre: manifeste radical. 1970. P. 63, 74, 69, 113, 115, 117-119, 146, 149.*

Реализация манифеста Ж.-Ж. Серван-Шрейбера, по меткому замечанию одного из французских специалистов по истории радикализма Ж. Бааля, «должна была в плане приспособления Франции к современности связать воедино эффективность американской экономики с немецким или скандинавским социал-реформизмом»³⁰. Его оценил даже тогдашний премьер-министр правительства де Голля Ж. Шабан-Дельмас. «В манифесте имеется несколько отличных идей, близких нам», – писал он³¹. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением известного французского политолога К. Исмаль, что «манифест, провозглашавший промышленный рост как инструмент революционного обновления, превозносивший рыночную экономику и конкуренцию, не очень соответствовал традиционным идеалам радикализма»³². К тому же, в это время с аналогичными проектами выступил лидер независимых республиканцев В. Жискар д'Эстена, и, в отличие от радикалов, рядовые члены НФНР его программу единодушно поддержали. Напротив, у радикалов, вспоминает очевидец событий тех лет и один из нынешних лидеров радикалов-валуазьенцев Ж.-Т. Нордман, принятие программного документа на съезде 1970 г. было «условным, вызванным скорее желанием не дать застопориться намеченному процессу обновления партии, чем безоговорочным согласием со всеми положениями манифеста»³³.

Напомним также, что НФНР была правительственной партией, а радикалы не входили в кабинет министров с 1962 г. *BIRS* неоднократно выражал сожаление по поводу того, что средства массовой информации игнорируют присутствие радикалов в обществе и, комментируя итоги выборов, относят радикалов в графу «разные» или «разные левые». К тому же, Ж.-Ж. Серван-Шрейбер не прижился в радикальной «семье». Это было очевидным, даже невзирая на его избрание в 1971 г. председателем партии. Он был из тех первых политиков, которые стали приходить к радикалам, чтобы быстрее сделать личную карьеру, ибо в строго структурированных, более крупных и влиятельных партиях продвигнуться наверх им было бы сложнее. Играя на «генетическом антикоммунизме» многих радикалов, который еще больше усилился после «красного мая» 1968 г. во Франции и Пражских событий августа 1968 г., Ж.-Ж. Серван-Шрейбер пошел на раскол партии. На чрезвычайном съезде 1973 г. из рядов партии были исключены левые радикалы, подписавшие в июне 1972 г. вместе с ФКП и ФСП

³⁰ Baal G. Histoire du radicalisme. P., 1994. С. 112.

³¹ Le Monde, 1970, 16 février.

³² Ysmal C. Les partis politiques sous la V République. P., 1989. P. 87.

³³ Nordmann J.-T. Histoire des radicaux. 1820-1973. P., 1974. P. 469.

Совместную программу левых сил (СПЛС). С этого момента, по меткому выражению одного из видных радикалов М. Фора, поддержавшего СПЛС, началась «вассализация» левых радикалов социалистами, а валуазьенцев – более мощными правоцентристскими объединениями³⁴. В то же время, раскол партии радикалов в известной мере означал ее адаптацию к институциональной системе Пятой Республики, потому что и левые радикалы, создавшие партию «Движение левых радикалов» (ДЛР), и радикалы-валуазьенцы взяли курс на вхождение в правительство, с той лишь разницей, что первые – в рамках блока левых сил, а вторые – вместе с правыми центристами.

Первоначально «вассализация» валуазьенцев правым центром воспринималась не очень остро. Победа на президентских выборах 1974 г. В. Жискара д'Эстена, положившая конец голлистскому стилю правления, вызвала у них радужные надежды. Обозначив свой стиль, как «передовая демократия», вновь избранный президент свел его к трем основным элементам: либерализм, центризм и европеизм, что не могло не вызвать на площади Валуа ощущения, что предложенный правительством курс соответствует интересам радикалов³⁵. Более того, В. Жискара д'Эстен прямо заявил, что «французы хотят управляться из центра»³⁶. Радикалы снова вошли в правительство, получив два министерских портфеля. С другой стороны, теперь инициатива перегруппировки центристских сил исходила уже от президента, преобразовавшего в 1977 г. НФНР в Республиканскую партию, что делало лишь вопросом времени утрату радикалами-валуазьенцами своей самостоятельности. Первым шагом к ее ограничению стало учреждение в 1978 г. В. Жискара д'Эстеном СФД, куда вошли: Республиканская партия, Центр социальных демократов, Движение социальных демократов, а также радикалы-валуазьенцы.

К тому времени в рядах тех, кто остался на площади Валуа, вновь разгорелись дискуссии, в которых явно проскальзывало сожаление о разрыве с левыми радикалами и социалистами, то есть «левый инстинкт» радикализма проявлялся вновь. В одном из номеров *BIRS* вышла статья, характеризующая партию радикалов как «либеральную левую», традиционными ценностями которой являются «защита индивида, терпимость, разнообразие, провозглашение всех форм свободы, создание постоянных и неограниченных условий для продвижения человека по социальной лестнице,

³⁴ Из интервью, взятого автором настоящей статьи в марте 1995 г.

³⁵ *Bernstein S., Milza P.* Op. cit. P. 1125-1126.

³⁶ *Le Monde.* 1974. 8 octobre.

подчинение экономики интересам человека»³⁷. На заседании исполкома партии выступавший по вопросу о ее доктрине Ж.-Т. Нордман настаивал на том, что партия радикалов – «это либеральная левая, представляющая левую в большинстве, а не являющаяся левой большинства»³⁸. Подлил масла в огонь и сам председатель партии. Не проконсультировавшись с партийным бюро, он порвал с Демократическим центром и заявил об объединении с небольшой группой «Левых реформаторов» для «организации второго левого полюса – антиколлективистского», то есть антимииттерановского. Эта инициатива Ж.-Ж.Серван-Шрейбера не была лишена смысла и показывала, что он уловил главное направление эволюции политической системы Франции середины 70-х, признав, что она бесповоротно стала биполярной, что центризм не способен победить голлизм и что симпатии французов все больше отдаются левым силам. Поэтому в 1976 г., когда Леканюэ предложил создать ассоциацию с независимыми республиканцами и реформаторами, партийное бюро ясно дало понять, что согласно лишь на совместные действия на предстоящих в 1978 г. парламентских выборах, «но растворяться в федерации радикалы пока не собираются»³⁹.

Усиление левой фразеологии в устах радикалов-валуазьенцев отнюдь не означало, что они начали критиковать политику В. Жискара д'Эстена. Напротив, они стали особенно активно с ним сотрудничать после назначения в 1976 г. премьер-министром центриста Р. Барра, в правительстве которого получили уже 4 места. Особенно им импонировал либерализм президента. Но могли ли вообще быть услышаны в правоцентристском блоке голоса партии, руководство которой в 1977 г. откровенно признало, что ему так и не удалось установить ни точное число своих членов, ни даже число оставшихся у партии генеральных советников после неудачных для нее кантональных выборов 1976 г.⁴⁰ Парламентские выборы 1978 г., на которых радикалы-валуазьенцы выступали в рамках СФД, тоже не принесли им ощутимых результатов – они получили всего лишь 9 депутатских мест. По признанию руководства, деятельность валуазьенцев сводилась в основном к управлению генеральными советами и муниципалитетами в некоторых регионах провинции, где радикальные традиции были еще живы. В сложившейся ситуации не очень удачной попыткой заявить о своей автономии, причем явно с левым уклоном, стало решение председателя партии Ж.-Ж. Серван-Шрейбера выдвинуть на первых всеобщих выборах в

³⁷ BIRS. 1974. N 91.

³⁸ АПР. Dossier 62. III. Mouvement Réformateur.

³⁹ Там же.

⁴⁰ АПР. Dossier 62. III. Mouvement Réformateur.

Европейский парламент 1979 г. собственный список вместе с левыми радикалами, тогда как на площади Валуа ранее решено было голосовать за список СФД во главе с С. Вей. Эта акция привела том же году к приостановке партийным бюро полномочий главы партии, а затем и к его переизбранию.

Однако новый председатель партии радикалов-валуазьенцев, 36-летний корсиканец Д. Бариани, победивший в XX округе Парижа на выборах 1978 г. мэра-коммуниста и являвшийся уже в течение года генеральным секретарем партии, не ослабил левой риторики. Незадолго до его избрания лидером партии, 13 сентября в *Le Monde* вышла его статья «Что стало с левым центром?» В ней утверждалось, что радикализм традиционно олицетворяет собою левый центр, основываясь на таких идеях, как «республиканизм, гуманизм, реформизм». Однако, замечал Д. Бариани, эти идеи «стали достоянием всей нации, их больше никто не оспаривает, что, с одной стороны, дает радикалам повод для гордости, а с другой – ставит их в драматическое положение, ибо, если вся Франция стала радикальной, то она уже не задумывается об этом». Д. Бариани полагал, что левый центр еще способен «обрести национальную значимость», а партия радикалов – стать выразителем его политических интересов, если будет «достаточно убедительно отстаивать перед партнерами свои принципы», а также если сумеет адаптироваться к изменившимся экономическим и социально-политическим устоям современного общества. Главной политической целью левого центра Д. Бариани считал борьбу за дальнейшую демократизацию общества и привлечение к ней масс, которые до сих пор не участвуют в правительстве. Он предлагал «изменить политический лексикон и... создать “команду звезд”, способных обеспечить тому “левому центру” популярность и гарантировать спокойствие его сторонников». Свои теоретические рассуждения новый лидер партии облек в конкретно-практическую форму следующим образом: он предложил создать во Франции «другую левую», предполагая, что радикалы будут «по-иному участвовать в СФД, то есть сохранят за собой свободу критики внутри союза», а также свободу голосования по поводу отдельных мероприятий правительства. Главным политическим требованием «другой левой», по заявлению Д. Бариани, должна была стать «борьба за солидарность в обществе»⁴¹.

Предложения Д. Бариани, по сути, не вносили ничего нового в программу радикалов по сравнению с ее прежним манифестом. Идея создания «другой левой» не могла иметь успеха в условиях, когда явную силу набирали

⁴¹ Le Figaro. 1979, 15 septembre.

партии, подписавшие СПЛС. К тому же в Союзе левых сил левый центр был представлен «собратями валуазьенцев по радикальной семье». Заявления Д. Бариани скорее могли вызвать у вдумчивого наблюдателя мысль о том, что, отказавшись участвовать полным составом в СПЛС, радикалы подписали себе смертный приговор. Инициативы Д. Бариани ничуть не повлекли за собой ослабление правоцентристских устремлений большинства валуазьенцев, которые в дальнейшем постоянно поддерживали наиболее близких к правому центру кандидатов на президентский пост в стране: в 1988 г. – Р. Барра, в 1995 г. – Э. Балладюра.

Более того, на площади Валуа происходило усиление и проголлистской тенденции. В 1980 г. в партии возник Национальный комитет поддержки на предстоящих в 1981 г. президентских выборах кандидатуры Ж. Ширака, который возглавила помощница Ширака по мэрии Парижа Ж. Небу, председатель федерации Канталь. Появление Ж. Ширака на голлистском небосклоне после создания им в 1976 г. неоголлистской партии Объединение в поддержку республики (ОПР) изменило отношение валуазьенцев к голлистам. Тот факт, что Ж. Ширак стал «наследником» радикалов в одном из традиционных бастионов радикализма – в департаменте Коррез – скорее вызвало их симпатии, чем огорчение. У валуазьенцев обострилась «радикальная чувствительность», Ж. Ширака они стали называть «радикалом по духу», вспомнили также о том, что когда-то исторические голлисты М. Дебре и Ж. Шабан-Дельмас начинали свою политическую карьеру в республиканской партии радикалов и радикал-социалистов. Одним словом, поддержка неоголлизма уже не казалась руководителям валуазьенцев абсолютно несовместимой с их принципами.

Президентские выборы 1981 г., принесшие победу коалиции левых сил во главе с Ф. Миттераном, открыли новую страницу в политической истории Франции, лишив французских правых возможности безраздельно управлять страной. Съезд валуазьенцев в ноябре 1981 г. должен был, по словам Д. Бариани, ответить на вопрос, «жив ли еще радикализм». Ответ на этот вопрос зависел в первую очередь от решения проблемы взаимоотношений с СФД. В партии появились противники курса на сотрудничество с партиями СФД, причем, это были как те, кто симпатизировал ДЛР и социалистам, так и те, кто голосовал за Ж. Ширака. Линию на продолжение участия в СФД отстаивало партийное руководство: Д. Бариани, А. Россино, И. Галлан, А. Росси, Ж.-Т. Нордман. Они развивали идею «разумной оппозиции» правительству левых сил, что в их интерпретации означало твердое намерение не порывать с СФД, но в то же время попытаться проводить политику открытости всевозможным иным союзам,

например, создать с социал-демократами и Центром социальных демократов (ЦСД) объединение по типу прежнего движения реформаторов. Руководство партии радикалов считало, что современная оппозиция левым силам представлена «четырьмя течениями – голлизмом, либерализмом, христианской демократией и радикализмом» и что наличие радикальной составляющей позволит оппозиции избежать крайностей, сотрудничества с экстремистскими организациями, а также придаст ей конструктивный характер и не позволит «скатиться лишь к голословному обструкционизму»⁴².

Однако оно явно ошибалось относительно собственной значимости. Когда, например, французские социологи, перечислив ряд ценностей: здравый смысл, терпимость, солидарность, умеренность, гуманизм, светскость и республиканские традиции – предложили гражданам ответить на вопрос о том, какие из них ассоциируются у них с радикализмом, то 32 % опрошенных ответили, что никакие, а 26 % затруднились ответить. Результаты говорят сами за себя: некогда типично радикальные ценности больше не связываются в общественном мнении с именем партии, которая была их выразительницей в прошлом. Социологи пришли к выводу, что французы хотят «профессионализации политических программ и конкретных действий»⁴³. Носителями таких программ во Франции конца XX в. выступили крупные партии, в первую очередь, неоголистская ОНР и социалистическая ФСП, поэтому 49% граждан отдавали им свои симпатии⁴⁴. Радикалам в сложившейся ситуации ничего не оставалось, как «отвоевывать» себе больше представительства в составе СФД на всех уровнях. Но это уже были, как писали СМИ, «операции муравьев против слона», «выступления маленьких дракончиков»⁴⁵.

Некоторые выгоды им принесли периоды «сосуществования», когда после неудачных для левых сил парламентских выборов 1986 и 1993 г. Ф. Миттеран был вынужден назначать правых премьер-министров Ж. Ширака и Э. Балладюра. В 1986 г. у валуазьенцев было 6 депутатов парламента, 54 генеральных советника и 15 региональных советников, а в правительстве Ж. Ширака они имели 2 министерских портфеля. Избранный в 1988 г. председателем партии И. Галлан уже в момент своего избрания заявил делегатам съезда, что «не стоит искать новый центр по Фран-

⁴² АНР. Dossier 69. III. Mouvement Réformateur.

⁴³ Le Quotidien de Paris. 1989. 18-19 novembre.

⁴⁴ Le Nouvel Observateur. 1995. N 1531. P. 36.

⁴⁵ La Croix. 1993. 15 avril; Le Figaro. 1993. 21 juin; L'Événement du jeudi. 1993. 23 septembre.

ции», а надо просто «усилить свое влияние в СФД и в политической жизни страны»⁴⁶. Комментируя положение валуазьенцев, СМИ заговорили о появлении «третьего, обновленного типа» радикалов – радикалов-ширакковцев⁴⁷. По сути, заявления И. Галлана усиливали стремление радикалов добиться большей автономии в СФД. Его позиция соответствовала настроениям большинства рядовых членов партии. Наглядно это показали данные социологов, согласно которым 81% валуазьенцев в числе наиболее почитаемых ценностей назвал радикал-радикализм⁴⁸. На наш взгляд, иначе как стремлением к самоидентификации такой необычный выбор валуазьенцев объяснить нельзя. Для сравнения скажем, что их собратья по радикальной семье, члены ДЛР, выделили для почитания свободу, гуманизм, солидарность, правосудие, братство.

На парламентских выборах 1993 г. валуазьенцев ждал неожиданный успех. Выдвинув всего 25 кандидатов, они получили 15 депутатских мест в парламенте, имея к тому же 12 сенаторов. В правительстве Э. Балладюра им достался один министерский пост⁴⁹. Для неоголлистов становилось в некотором роде модным иметь в правительстве одного-двух министров радикалов-валуазьенцев. И все же Э. Балладюр, назначив министрами всего одного валуазьенца и шесть представителей ЦСД, явно обидел лидеров радикалов. Горечь обиды, очевидно, сказалась на результатах опроса, проведенного автором данной статьи среди делегатов 94 съезда валуазьенцев, проходившего в феврале 1994 г. под девизом: «Наши реформистские пожелания ясны. Большинство должно нас услышать!». Некоторые делегаты называли ОПП «расистской, реакционной, догматической, дирижистской, идолопоклоннической» партией. Впрочем, не имея практически никакого веса в национальной политике, невозможно долго сохранять обиду. Через год, на съезде, которому предстояло определить линию поведения партии на предстоящих в 1995 г. президентских выборах, большинство валуазьенцев высказались в поддержку кандидатуры Э. Балладюра. На этом съезде свои позиции усилили сторонники Ж. Ширика. В их числе были бывшие председатели партии Д. Бариани и И. Галлан, которые к тому времени имели посты в мэрии Парижа и надеялись продолжить сотрудничество с Ж. Шираком в случае его избрания президентом.

⁴⁶ АПП. Dossier 50. II. Parti radical.

⁴⁷ Le Figaro. 1994. 13 juin; Marianne. 1992. Janvier. P. 21.

⁴⁸ Bedossa A. J'écris ton nom: Radicalisme. Etude comparative de deux organisations politiques. P., 1988. P. 48.

⁴⁹ BIRS. 1993. N 160, 161.

Таким образом, в конце XX в. практические выгоды все чаще подменяли идейные мотивы в политическом поведении радикалов. К тому же новых идей, кроме «нового прочтения» левоцентризма, партийному руководству выработать так и не удалось. Съезд 1995 г. проходил под лозунгом, возвещавшим о том, что партия радикалов – гуманистическая, светская, социальная, европеистская. Это должно было еще раз подчеркнуть автономию партии радикалов в СФД, начертавшей на своем знамени слова: либерализм, центризм и европеизм. К тому же новый девиз радикалов укладывался в стратегию реанимации партии, предпринятую ее председателем А. Россино, который в очередной раз выдвинул тезис о том, что место радикалов «в центре, в левом центре, между социалистами и ЦСД»⁵⁰. Не отличался новизной и появившийся вскоре после съезда очередной манифест, составленный Ж.-Т. Нордманом. Состоял он из трех разделов: «Помирить граждан с политикой», «Создать новый общественный договор», «Заблестать в Европе и мире». Уже из названия разделов можно убедиться, что этот манифест лишь синтезирует прежние политические установки партии в едином документе. Главные его темы – регионы, государство, экология, традиции – одинаково волнуют как левых, так и правых, а избиратели сегодня отдают предпочтение тем, кто предлагает наиболее эффективные к ним подходы.

Как показали события конца XX – начала XXI вв., французы вполне приспособились к биполярной политической системе, а сама она за более чем 15 лет правления по принципу «сосуществования» значительно эволюционировала. После президентских и парламентских выборов 2002 г. в ней явно прослеживается тенденция к образованию двух крупных блоков слева и справа, которые возьмут на себя ответственность за обеспечение преемственности власти. Первыми к перегруппировке сил приступили правые. В конце 2000 г. Э. Балладюр, исходя из убеждения в том, что «сегодня ничто, кроме личного соперничества, не разделяет больше классическую шираковскую правую и правый центр»⁵¹, выдвинул идею создания единой политической партии правых сил из ОПР, СФД, ДЛ (партия Либеральная демократия, которая в 1999 отделилась от СФД). 17 ноября 2002 г. такая партия – СНД – конституировалась, а партия радикалов-валуазьенцев стала ее ассоциированным членом, полностью сохранив при этом свою автономию.

В момент этого события автор статьи находилась в Париже, и беседа с М. Руби, одним из старых лидеров радикализма, начинавшим свою пар-

⁵⁰ Les Assises du Radicalisme: Les 20 propositions radicales. P., 1995. P. 1-5.

⁵¹ Berstein S. Histoire du gaullisme... P. 512.

тийную карьеру еще в середине 50-х годов, позволила более подробно разобраться в сложившейся ситуации. Как оказалось, ассоциация с СНД вызвала раскол в рядах валуазьенцев. Спровоцирован он был отказом войти в СНД председателя СФД Ф. Байру, который также потребовал от состоящих в СФД партий самораспуститься и войти в федерацию напрямую. Условия Ф. Байру означали для многих валуазьенцев удар в спину, поэтому они сделали выбор в пользу новой партии правых сил. Впрочем, часть их не согласилась с этим решением и ушла в СФД. Так поступили бывшие председатели валуазьенцев Д. Бариани, И. Галлан, Т. Корнийе. Как объяснил автору М. Руби, главным мотивом их поступка послужило то, что все они находятся на административных постах в СФД и получают от федерации жалование, которого не хотят лишаться. На площади Валуа нет особого энтузиазма по поводу СНД, но руководители партии и не имеют большого выбора с того самого момента, когда, подписав в 1972 г. СПЛС, левые радикалы вынудили будущих валуазьенцев искать прибежища у правых. Насколько долго в такой ситуации просуществует партия радикалов, покажет время...